

Намруев Саранг Иванович

Мгновения, застывшие в памяти

Саранг Намруев

Мгновения, застывшие в памяти

«Автор»

2026

Намруев С. И.

Мгновения, застывшие в памяти / С. И. Намруев — «Автор»,
2026

Сборник рассказов погружает в детство автора, в счастливую пору, когда лето в деревне было маленькой жизнью, а также повествует о некоторых интересных случаях из взрослой поры, когда работа автора была связана с линиями электропередач. Тексты полны любовью к семье и родным, животным, природе и ближнему.

© Намруев С. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Призрачный конь	6
Корочка хлеба	8
Спичка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Саранг Намруев

Мгновения, застывшие в памяти

Предисловие

Дорогие читатели! Прежде чем вы приступите к чтению, хочу поведать вам о том, что все истории, которые описаны в этой книге, происходили в реальной жизни моего мужа и до этих пор оставались только его воспоминаниями. И вот однажды он поделился ими со мной, когда написал эту книгу. Спустя тридцать четыре года совместной жизни он открылся для меня с другой стороны. Я будто увидела его тем самым маленьким мальчиком, который рос в непростые времена, мальчиком с доброй душой и особой любовью к лошадям. Но, к сожалению, уже два года, как его не стало...

Я долго думала, что делать с рукописями, и вот решила поделиться ими с вами.

Надеюсь, вам тоже понравится, как и мне. Желаю приятного чтения!

Призрачный конь

Странная штука — жизнь... Чем старше становишься, тем чаще вспоминается детство, всякие смешные или грустные истории и случаи, которые происходили с тобой или с твоими друзьями и близкими. Все чаще от таких воспоминаний на душе становится теплее, но и немножко грустно — наверное, от осознания, что всё, что было, увы, не вернуть...

Я родился и вырос в селе. Так сложилась моя судьба, что с младенчества я воспитывался у бабушки и дедушки по линии отца. С самого детства я рос в окружении моих друзей, соседей и односельчан, в основном это были старики и старушки, которые часто приходили в гости к моим дедушке и бабушке. Они часто и подолгу засиживались у нас, пили джомбу¹, которую заваривала моя бабушка и делала это так восхитительно, так необыкновенно, что всем нравился её чай. Часто за столом они рассказывали друг другу всякие случаи или делились новостями и деревенскими сплетнями. Мне нравилось их слушать, потому что они всегда разговаривали на родном языке, чистом калмыцком, отчего все беседы приобретали некую изюминку. Язык этот, к сожалению, был утрачен у молодого поколения, но речь сейчас не об этом.

Дедушки и бабушки нашего села были знатоками наших обычаев и традиций, пословиц и поговорок, каждый из них был просто кладом различных сказок и небылиц, а от их рассказов про старину и шулмусов² у меня тело покрывалось мурашками; было страшно, но интересно! Был у нас такой дед Эда, высокий, худощавый, слегка сутулый, добрый и немножко смешной старичок, как мне тогда казалось. Он часто приходил к нам в гости и подолгу сидел с моими стариками; я так привык к его визитам, что они казались обыденными и естественными.

Это было зимой, как раз после первого снегопада; на улице было так красиво и даже ночью было светло, то ли от снега, то ли от полной луны. В тот вечер к нам, как всегда, пришёл в гости дед Эда, сидели, болтали по-стариковски. Мне всегда нравилось, когда он что-нибудь рассказывал и очень заразительно смеялся. При этом глаза у него зачастую блестели; непонятно, было ли это от слез или они у него зажигались сами по себе. Так за неспешными беседами пролетело несколько часов, тут он стал быстро собираться и объявил, естественно на калмыцком языке: «Не, ода газаран йовад, мерян халячкнав», что в переводе означает, мол, пойду-ка я на улицу, посмотрю свою лошадь.

Эта новость меня ошарашила, так как я точно знал, что у деда Эды нет никакой лошади.

А лошади были и остались моей слабостью, ведь я любил их с детства.

Я спросил у дедушки, куда пошёл дед Эда; тот ответил, что он ненадолго отлучился и скоро придёт. Про лошадь я спрашивать не стал, хотя не терпелось узнать об этом, но ещё больше хотелось эту лошадь увидеть самому. Еле дождавшись, когда вернётся дед Эда, я накинул на себя тёплую тужурку и, выждав немного времени, выскочил на улицу, желая увидеть красавца коня! Но, к великому моему огорчению и удивлению, никакого коня я так и не обнаружил. Я обошёл весь двор, сарай и закуточки, ходил вокруг да около, но результата не было.

Конь как сквозь землю провалился! Точно призрак! Так ничего не добившись, изрядно запыхавшись, я вернулся обратно, расстроенный. К тому времени уже запозднело и всем пора было ложиться спать, дед Эда тоже засобиравшись и, попрощавшись, пошёл домой.

Бабушка расстелила постель, и мы готовились ко сну, но вопрос, куда делся конь, все не давал мне покоя.

Не выдержав, я все-таки спросил у дедушки про коня. Он сначала не понял, о чем речь, а я ему говорю: — «Ну, дед Эда, перед тем как выйти на улицу, сказал, что пойдет проверит коня! Вот когда дошло до дедушки и бабушки, о чем я спрашиваю, и особенно после того, как

¹ Джомба — калмыцкий молочный чай с солью.

² Шулмусы (калм.) — бесы, черти.

я им рассказал о своих поисках, этого призрачного коня они оба попадали от смеха, смеялись так громко и долго, что я обиделся и чуть не заревел от досады. После того как они оба насмеялись от души, дедушка, понемногу успокоившись, стал мне объяснять значение этих слов. Всё оказалось банально и просто. Выражение «пойду на улицу посмотрю лошадь» пришло к нам издревле, когда калмыки вели кочевой образ жизни и лошадь была частью кочевника. А выражались они так, когда надо было выйти по нужде, но проявив уважение к хозяевам, сказать об этом культурно и вместе с тем понятно и просто.

На другой день, когда в очередной раз к нам пришёл в гости все тот же дед Эда, мои старики все ему рассказали, и теперь вместе с ними смеялся до колик и я. Насмеявшись от души, дед Эда подошел ко мне и по-мужски погладил меня по голове, приговаривая: «Окяр кевюн», что означает «забавный мальчик», и в глазах у него опять была искринка.

Потом, когда умерла у деда Эда его жена, добрая, веселая бабуся, которая так хорошо умела петь калмыцкие песни и танцевать под домбру в исполнении моей бабушки, дед Эда, как мне показалось, ещё больше осунулся, ещё больше постарел. Мне было жалко его, и теперь, когда он приходил к нам, я не ворчал на него за его грязные, с налипшей глиной сапоги, в которых он топтался по вымытому мною полу. Я просто сам очищал их от грязи, пока он у нас гостил. И ставил вымытые сапоги на коврик у порога.

Он стал ещё чаще приходить к нам и сидел до поздней ночи, наша бабушка старалась его чем-нибудь угостить, а дедушка зачастую распивал с ним бутылочку вина или чекушечку водки. Дед Эда часто плакал, вспоминая покойную жену, по-стариковски шмыгая носом и утираясь носовым платком. И при этом в его глазах уже не было тех искринок и блеска, а лишь мутная и глубокая печаль и тоска. Я тоже тихо плакал в подушку, от жалости и бессилия из-за того, что не можешь ничего поделать и изменить... И мир тогда казался не таким уж и сказочным, и чувствовалась досада, что так и не нашёлся тот призрачный конь. Конь нашего деда Эды, которого он любил бы и с которым ему не было бы так одиноко в этом огромном мире, где мерцают и зовут куда-то в необыкновенную и загадочную вселенную далёкие звезды...

Корочка хлеба

Как вы уже поняли по названию моего рассказа, речь пойдёт о хлебе, а точнее, о корочке хлеба. Когда я был совсем маленьким, я как-то не задумывался о значении и о цене хлеба, пока со мной не произошёл этот случай, о котором я вам собираюсь рассказать.

Однажды летом мы сидели у себя во дворе и ужинали всей семьёй. В летние погожие вечера мы, как и многие наши соседи, любили трапезничать во дворе, это считалось нормальным и обыденным явлением у сельчан, многие даже спали на улице, не боясь ничего и никого. Это было обычным делом. Так вот, после ужина я, изрядно насытившись, взял со стола корочку хлеба и бросил его нашей собаке-полукровке, внешне схожей с восточной овчаркой, по кличке Дружок. Тот лежал неподалёку, метрах в пяти, и спокойно дремал. Хлеб, не долетев, упал в двух метрах от него, на что этот соня никак не отреагировал, может, не услышал. Потом, увидев это, я подошёл к лежащей на земле корочке хлеба и пнул ее в сторону проснувшейся уже собаки. Та вскочила и убежала подальше. Сразу после этого я услышал сердитый голос моего дедушки. Он велел поднять с земли хлеб, отнести и закинуть его в ведро для корма свиней. Как только я это выполнил, он усадил меня напротив и отругал за этот хлеб, сказал, что так делать нельзя, что это большой грех!

Я, выслушав его, клятвенно пообещал, что такого больше не повторится никогда. После того случая прошло несколько дней, и я больше и не вспоминал об этом, так как на дворе было лето и у меня, как и у всей нашей шпаны, было много времени для игр и развлечений.

Как-то придя затемно после очередных игр с друзьями, я застал дома бабушку с дедушкой сидящими за столом и о чем-то ведущими разговор. Помывшись, я присоединился к ним, и в конце ужина дедушка вдруг спросил у меня: «Сашка, поедешь завтра со мной развозить почту по точкам³?» От этого предложения и от огромной радости я так подпрыгнул, что чуть не перевернул стол вместе со всей посудой!

Вставать надо было пораньше, поэтому мы все сразу же легли спать. В радостных мыслях о предстоящей поездке на телеге с дедушкой, на нашей «коняшке», я незаметно и крепко уснул.

Рано утром меня разбудила бабушка, на столе уже стояла кастрюля с ароматным свежим чаем, чудесной джомбой, в хлебнице лежали ломти наивкуснейшего белого хлеба, который пекли в местной пекарне, а в чашке было дополна налито сметаны.

Мы сели завтракать, немного погодя с улицы пришёл дедушка, он уже запряг нашу лошадку и насыпал ей корма. Позавтракав, мы собрались в дорогу. Положив большую почтовую сумку в кун, который находился в заднем отсеке двухколёсной тележки-байдарки, мы уселись поудобнее и наконец-то двинулись в путь.

По пути в степи дедушка иногда давал мне порулить лошадкой, отчего я был доволен до ушей. Объехав несколько точек и раздав почту, всякие газеты, журналы и иногда письма, мы поехали на орошаемый участок, а вернее, на бригадный стан. Место, где находились механизаторы, комбайнеры и обслуживающий персонал. Там располагалась их МТС — машинно-тракторная станция — и место отдыха, скромный, но вполне сносный быт и кухня со столовой.

После того как дедушка раздал предназначенную им почту, нас пригласили на обед.

Столовая находилась под широким навесом, со сколоченными в ряд просторными столами и длинными скамейками. Есть под таким навесом на свежем воздухе было одно удовольствие! Обед был шикарным! На первое — наваристый ароматный борщ с большими кусками мяса, на второе — картофельное пюре с мясным рагу, на третье — холодный компот из сухофруктов. Я все это ел не хуже взрослых, при этом повариха тётя Валя нахваливала меня и всё старалась долить мне добавку.

³ Точка — животноводческая стоянка.

От салата из свежих огурцов с помидорами, а также от сочного спелого арбуза на десерт я отказался, так как был уже не в силах ещё что-либо съесть. Так, наевшись от пуза, я лежал на кровати, которая находилась в тени, и блаженно дремал. К тому времени многие механизаторы выехали в поля продолжать уборку урожая, ведь был самый разгар сбора зерновых. Работали тогда и день и ночь, потому что надо было быстрее собрать урожай, пока не пошли дожди.

Дедушка поговорил с поварихой, с доброй и улыбчивой, слегка полноватой, розовощекой тётей Валею, и мы двинулись в путь. К моему удивлению, поехали мы не в сторону очередной точки, а в поля, где шла уборка урожая. Проехав по убранному вдоль межей полю, мы подъехали к движущемуся комбайну, отгружавшему в это время зерно пшеницы в самосвал. После погрузки самосвал двинулся дальше, а комбайн остановился.

Дедушка подошёл к комбайнеру, дяде Сереже, и о чем-то поговорил с ним. Он был нашим соседом, отцом моего одноклассника и закадычного друга. Под конец беседы они почему-то посмеялись, при этом пожав друг другу руки, и дедушка вернулся обратно. Подойдя ко мне, дедушка сказал, что если я хочу, то могу покататься с дядь Серёжей, пока он съездит на ближайшую пару точек. Я, естественно, с радостью согласился, тем более до этого никогда в жизни не был даже в кабине комбайна.

Дядя Серёжа, широко улыбаясь, открыл дверцу кабины и махнул мне рукой, приглашая сесть рядом у штурвала. Лицо у него тогда было как у шахтёра: видны только глаза и зубы, а все остальное покрыто слоем пыли; дедушка же к тому времени уже пылил на байдарке по степной дороге в сторону ближайшей точки.

Дядь Серёжа сразу же дал мне очки, почти как у лётчиков; правда, они были немного мне великоваты, и все же я их надел и был доволен, потому что в них я был похож на пилота, не хватало только шлема. В первые полчаса находился в эйфории от всего этого, потом спустя некоторое время пыль забила мне нос, уши, все лицо было в поту и жуткой пыли! Воздух был настолько горячий, что пересохло горло; я выпил весь запас воды, что был у дядь Серёжи, при этом чем больше я пил, тем больше потел и ещё больше хотел пить!

Так прошло около двух часов, которые показались мне вечностью. Когда за мной приехал дедушка, я лежал на спецовке в тени, возле комбайна, а дядь Серёжа ковырялся в моторе. Увидев дедушку, я с радостью побежал ему навстречу. Подъехав к нам, он слез с телеги и, улыбаясь, подошел ко мне. Заметив мой внешний вид, он посмеялся и, потрепав меня по голове, велел идти к телеге и ждать меня там. Поговорив о чём-то с дядь Серёжей, дедушка отдал ему привезенную с собой пару бутылей, наполненных водой, пожал руку и вернулся к телеге. Дав мне напиться прохладной воды и смыть с себя всю грязь, дедушка двинулся домой, так как всю почту в тот день мы уже развезли и день клонился к концу. По дороге я уснул, то ли от усталости, то ли меня просто укачало; дедушка приобнял меня, прижав легонько к себе, чтобы я не выпал на ходу, так и доехали мы до дома.

Как я оказался потом в кровати, уже и не помню; видать, меня спящим на руках перенесли в дом, раздели и уложили в кровать. В ту ночь мне снился длинный сон: вокруг были бескрайние поля, переспелые пшеничные колосья, ослепительное жгучее солнце и страшная жажда. Ночью у меня поднялась температура, и я бредил во сне.

Наутро мне стало полегче, но я все равно чувствовал слабость. Дедушка часто подходил ко мне, щупал и целовал украдкой мой лоб, при этом виновато улыбаясь, ну а бабушка весь день ворчала на дедушку, обвиняя его во всех грехах. К счастью, я быстро поправился и уже через пару дней повсюду бегал с ребятами на улице, наслаждаясь летом и каникулами.

Потом как-то дедушка принёс мне книжку, сборник рассказов о блокадном Ленинграде; где он его взял, я не знаю, наверное, у кого-то взял на время. Мне те рассказы понравились, и я прочёл их одним махом. Все, что в них описывалось, глубоко засело мне в душу, в мою детскую, ещё пока чистую душу...

С тех пор я понял цену и значимость хлеба, благодаря дедушке и его мудрому уроку. Всю жизнь я старался не нарушать когда-то данное моему дедушке обещание, относиться к хлебу по-человечески, и это обещание я не нарушу никогда!

Спичка

В детстве, а это самая лучшая пора для меня, да и, наверное, у многих других, было лето, а точнее, летние каникулы. Время без забот и учёбы, золотое время детства!

Каждое лето детвора разъезжалась кто куда: кто в детские лагеря, кто по гостям и так далее. Вот и мне как-то раз выпало уехать на всё лето, и, как мне сейчас кажется, это было самое лучшее лето для меня. Но прежде чем приступить к своему рассказу, перенесусь на более раннее время, задолго до этих событий, о которых я хочу вам рассказать.

С самого раннего детства, сколько себя помню, я очень любил лошадей. Эту любовь, к прекрасным творениям природы мне привил мой аба, мой дедушка. Когда я был малышом, дедушка работал на почте, развозил письма по точкам, и для этого в его распоряжении были лошадь и телега: на летнее время — двухколёсная байдарка, а на зиму — сани-полозья.

Иногда дедушка приезжал за нами в детский сад, чтобы отвезти нас домой. Для нас с братом это было целым праздником! Мы ехали в этой телеге, ликовали, пели песни и орали от счастья! Мы представляли себя красноармейцами на тачанке, а нашего дедушку — поменьшей мере Чапаевым! Так мы горланили, пели и смеялись до самого дома, и когда мы заезжали во двор, было такое ощущение, как будто приехал целый цыганский табор!

Как обычно, нас встречала бабушка, всегда при этом улыбаясь, и нарочито ругала за наш шабаш и горлопанство. Потом дедушка распрягал лошадь и отводил ее в сарай, мы с братом приносили лошадке воду, маленькими детскими ведерками наливали ей в корыто и клали охапки душистого сена. Мы очень любили за ней ухаживать, тайком приносили ей хлеб и комковой сахар маленькими кусочками.

В первый раз мой дедушка посадил меня на лошадь, когда мне было чуть меньше пяти лет. Это был для меня великий праздник! А самое главное, у меня не было никакого страха, а только ликование! Хотя при этом дедушка шёл рядом и вёл лошадь за уздечку, я представлял, что лечу на лошади быстрее ветра! Но, к моему великому сожалению, длилось это недолго, пока нас не увидела бабушка. Ох, и досталось тогда моему дедушке. Бабушка наша хоть и прожила нелёгкую жизнь, но всегда была доброй, отзывчивой, никогда не держала зла. Она была отходчивым и вместе с тем лёгким на улыбку и смех человеком. Я уже не помню точно, когда и при каких обстоятельствах у нас не стало той лошади и даже какая у нее была кличка, потому что она была для нас просто «коняшка».

Но, скорее всего, это случилось, когда дедушка перестал работать на почте, да и постепенно в селе появлялось все больше и больше машин, и лошадей практически не стало.

Осталась одна лошадь с бричкой, на которой в стройчасти дядя Гучин возил стройматериалы, да и то недолго; потом и её не стало. Вот так постепенно и незаметно техника вытеснила некогда незаменимых помощников людей, прекрасных и верных лошадок... Но лошадей с тех пор я полюбил на всю жизнь!

В то лето мне выпала удача вдоволь накататься на лошадях и насладиться общением с ними, так как мои дядя и тётя работали на точке, на гурте, где основным средством передвижения для пастьбы гурта КРС в то время всё ещё оставались лошади. Зная об этом, я с большой радостью согласился на предложение моего дяди поехать на все лето на точку. Он, конечно, знал заранее, что я не откажусь, а наоборот, буду этому несказанно рад!

Впервые дни по прибытии на точку я изучал обстановку, знакомился с местными обитателями, играл с детьми; мы бегали по кошарам и сеновалам, придумывали различные игры и развлечения, и так незаметно пролетели первые несколько дней. За эти дни меня познакомили с лошадьми, которые там находились, рассказали об их повадках, характере, нравах и норовых. Лошадей ездовых там было четыре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.